

Новые тексты

РЕСУРСНЫЙ ПОДХОД КАК НОВАЯ ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА В СТРАТИФИКАЦИОННЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ¹

Тихонова Наталья Евгеньевна

д. соц. н., проф., зав. кафедрой социально-экономических систем и социальной политики
ГУ–ВШЭ, зам. директора Института социологии РАН

Email: ntihonova@hse.ru

Качественный скачок в изменении состояния российского общества, своего рода мирная революция, пережитая им в последние два десятилетия, подходит к своему завершению. По крайней мере с точки зрения изменения типа социальной структуры² общества наступает период относительно спокойного эволюционного развития. А это значит, что настал момент анализа социальных итогов прошедшего периода, того, какова же реальная социальная структура современного российского общества.

Попытка ответить на вопрос о социальной структуре российского, как, впрочем, и любого другого общества, упирается, однако, в вопрос о том, что же выступает критерием выделения тех или иных социальных групп в качестве структурообразующих элементов общества в целом. Учитывая, что проблеме социальной дифференциации посвящено огромное количество литературы, я, разумеется, не претендую на то, чтобы дать в данной статье даже беглый обзор предлагавшихся в истории изучения стратификации исследовательских парадигм³. Ограничусь лишь очень краткой характеристикой двух основных, без которых невозможно понять ни логику возникновения, ни эвристические возможности ресурсного подхода, которому, собственно, и посвящена данная статья.

Основными применительно к проблематике социальной стратификации являются подходы, родоначальниками которых выступили, с одной стороны, Карл Маркс, а с другой – Макс Вебер. Идеи двух этих гигантов социологической мысли и до сих пор во многом определяют развитие социологии. Причем их учения не противоречат друг другу, как это порой пытаются представить. Напротив, они, скорее, являются взаимодополняющими, поскольку создавались для решения принципиально разных научных задач.

Маркс разрабатывал свою стратификационную концепцию для целей анализа противоречий, лежащих в основе развития общества, и сосредоточивал внимание прежде всего на анализе взаимоотношений полярных классов капиталистического общества – рабочих и капиталистов. Различие между ними было связано для него, в первую очередь, с особенностями объектов собственности этих двух классов, один из которых выступал собственником вещных компонентов капитала, а другой – способности к труду.

---

¹ Работа выполнена при поддержке индивидуального исследовательского гранта ГУ–ВШЭ 2005 г. «Роль различных типов капитала в формировании новой системы стратификации российского общества».

² Термин «социальная структура» используется мной в узком смысле слова как синоним понятий «социальная стратификация», «стратификационная система» и т.п.

³ Среди работ, где такой обзор представлен достаточно полно, особенно см.: Радаев В.В., Шкаратан О.И. Социальная стратификация. М.: Аспект Пресс, 1996; а также к главы «Общие основы социального расслоения» и «Классические направления стратификационного анализа» в работе: Радаев В.В. Экономическая социология. М.: ГУ–ВШЭ, 2005.

Что же касается Макса Вебера, то для адекватного понимания его концепции стратификации надо учитывать, что его молодость пришлась не на бурные 40-е, как у Маркса, а на спокойные 80-е годы XIX в. Капитализм в этот период уже прочно утвердился в Германии, переживавшей во времена Маркса эпоху буржуазных революций, а классовые противоречия стали почти банальностью для любого ученого, изучавшего общество. Зато эпоха Вебера имела не менее ярко отличающую ее от других эпох черту, чем классовые бои времен Маркса, – мир в это время перестает восприниматься как нечто безграничное. Приходит и прочно утверждается в общественном сознании понимание множественности цивилизаций и культур, имеющих разные системы ценностей. В быт людей входят радио, телефон, автомобиль и т.п. Резко растет доля работников умственного труда.

Этот новый мир, нуждавшийся в осмыслении, был достаточно стабилен, но сложен, многолик и многогранен, и именно он, а не оставшиеся позади бурные процессы качественных ломок эпохи утверждения капиталистических отношений, диктовал свои требования всякому, кто попытался бы выделить основные социальные группы, составлявшие общество на этом этапе его развития. Естественно, что для Вебера на первый план выходит уже не диалектика развития самого общества в ходе разрешения противоречий, дошедших до стадии антагонистических, а множественность социальных различий вообще и культурных – в особенности. В центре его внимания – *не развитие, а различия, не производство, а культура.*

Однако при этом социальные позиции на разных полях для Вебера, как, впрочем, и для Маркса, – это не столько конструкты для построения модели социальной структуры общества, сколько факторы, в конечном счете *определяющие социальные действия* индивидов. Поэтому особый акцент Вебер делал на том, что представители одного класса⁴ имеют обычно сходные стили поведения и жизненные шансы, определяющие стратегии действий выходцев из соответствующих классов, а также на осознании ими своей идентичности, влияющей на их социальные действия.

В последующие сто с лишним лет для понимания социальной структуры обществ индустриального и позднеиндустриального типа было сделано невероятно много. При этом неомарксисты не только начали анализировать взаимоотношения классов, но и пытаться описать каждый из них (задача, которую Маркс перед собой не ставил), а неовеберянцы начали уделять все большее внимание зависимости классов друг от друга, взаимоотношениям их между собой. При этом и исследовательские задачи, и наборы критериев выделения социальных классов в рамках двух этих подходов продолжали различаться. В число критериев стратификации соответственно входили:

- в марксистской традиции – *отношение к собственности*, включая ее наличие, характер (производственная – непроизводственная), объект (земля, фабрика, финансовые средства, рабочая сила и т.д.) и объем. Впоследствии эти показатели были дополнены позициями, занимаемыми в системе *контроля над собственностью*, а не только владения ею;

---

⁴ Термин «класс» в данном случае представляется вполне оправданным, так как Вебер рассматривает стратификацию общества с доминированием именно классовой структуры. Класс же отличается от сословия или касты тем, что классовая принадлежность: 1) обуславливается различиями в *экономическом* положении различных социальных групп, их неравенством в отношении владения *ресурсами* и контроля над ними; 2) не связана жестко с *врожденным* статусом, и формальных ограничений на браки между людьми из разных классов не существует; 3) хотя бы частично *зависит от действий самого человека* и связана с появлением в условиях классовых обществ гораздо большей свободы выбора и 4) классовое неравенство имеет *обезличенный* характер, а не укоренено в личных взаимоотношениях людей.

- в вебериянской традиции – *экономическое положение* (собственность, доход, образование / квалификация), *статус* (престижность занимаемого положения в рамках данной культурной традиции), *особенности культуры* (мировоззрения, стиля жизни и т.п.), *позволяющие определить жизненные шансы представителей различных классов*. Впоследствии эти показатели были дополнены объемом и характером властных полномочий, характером труда, особенностями договорных отношений при найме и т.д.

Таким образом, *происходящая конвергенция двух этих подходов происходила прежде всего за счет пересмотра роли критерия властных полномочий. В неомарксистском подходе власть из «функции» собственности, ее производной превратилась в самостоятельный критерий стратификации. Возросла значимость этого критерия и в вебериянской традиции*, что отразило новые явления в жизни самого общества, прежде всего – рост роли государства и значимости управленческих функций. Это, как и все большее усложнение методологии стратификационных исследований, стало свидетельством того, что у представителей обеих научных школ начало возникать понимание *неадекватности традиционных парадигм изучения стратификации современному этапу развития общества*, плавно переходившему от позднеиндустриального к постиндустриальному (в других теоретических и терминологических традициях – от раннелиберального к позднелиберальному, от модерна к постмодерну и т.д.).

Во многом это было связано и с тем неожиданным ударом, который нанесли по классическим моделям социальной структуры экономисты, начавшие заниматься изучением человеческого капитала. Вначале Т. Шульц, а затем и Г. Беккер заложили основы понимания сущности этой новой разновидности капитала и разработали методики его расчета. Ими был предложен и взгляд на образование как на *инвестиции*, а не как на приобщение к культурному опыту. Более того, были выделены две основные формы этого капитала, связанные с наличием общих и специфических навыков, а также поставлен вопрос о рентах, которые должны получать работники, обладающие определенными навыками, связанными с особенностями их знаний. В результате к *традиционным формам собственно экономического капитала, роль которого в стратификации признавалась сторонниками обеих научных школ, в последние десятилетия добавился не только властный, но и человеческий капитал*.

Своего рода проявлением переживаемого стратификационными исследованиями кризиса методологии стало и появление концепции элит, которая, как справедливо отмечал Э. Гидденс, является своего рода отказом от классового анализа и противопоставлением уже не классов, а «элиты» и «массы». Появление концепции элит отразило численный рост высших классов и изменение их состава (за счет роста роли государства и государственных служащих, топ-менеджеров частных компаний и т.д.). Не случайно высший класс исчез и в классовой схеме современного общества, предложенной Дж. Голдторпом, и его место занял верхний средний класс – факт, на который также обращал внимание в связи с дискуссиями о судьбе высшего класса Э. Гидденс⁵.

Средний класс постигла судьба не менее печальная, чем высший – сначала средние слои разрослись настолько, что начали утрачивать свою качественную специфику, и на смену «классическому» среднему классу пришли «старый» и «новый» средние классы. Затем наметилась тенденция сокращения и размывания средних слоев, и стало понятно, что в современных западных обществах применительно к ним речь идет уже не о некоем едином стратификационном континиуме, а о множестве качественно различных образований с разными историческими перспективами.

---

⁵ Гидденс Э. Социология. М.: Эдиториал УРСС, 1999. С. 214.

Последний удар по старым парадигмам анализа стратификации нанесла пришедшая на смену традиционным концепциям бедности концепция эксклюзии, противопоставляющая уже не «верхи» и «низы», а находящиеся в мейнстриме и социально исключенных.

Таким образом, к концу XX в. «растворились» и исчезли не только традиционные «капиталисты» и «рабочие», о которых писал Маркс и которых неомарксисты активно искали в новых условиях, но и высший класс, средний класс, рабочий класс и бедные, ситуацию с которыми анализировали многие сторонники неовеберовского подхода. Кризис достиг своей зрелой формы, и стало ясно, что нужны новые теории, объясняющие ситуацию, сложившуюся в стратификации обществ современного типа.

Необходимость смены стратификационных моделей и анализа природы неравенств в новом, приходящем на смену позднеиндустриальному, обществе осознали и прямо сформулировали теоретики, разрабатывавшие альтернативные традиционным концепции стратификации (П. Бурдьё, М. Кастельс, У. Бек, Д. Граски, Э. Соренсен и др.). При этом так или иначе, в явной или неявной форме, но отправной точкой практически всех этих концепций выступали ресурсы (активы, капиталы).

Наиболее известна в контексте именно ресурсного подхода к стратификации из всех перечисленных выше концепция капиталов Пьера Бурдьё. Причем в своем понимании природы капитала Бурдьё фактически следует классической марксистской традиции, но развивает ее применительно к новым историческим условиям. Так, в своей известной работе «Формы капитала» он пишет: «Капитал – это накопленный труд (идет ли речь о его материализованной или “инкорпорированной”, телесной форме). Когда агенты или группы агентов делают его объектом частного (эксклюзивного) присвоения, это позволяет им присваивать и социальную энергию в форме овеществленного или живого труда»⁶. Как видим, Бурдьё прямо приравнивает «инкорпорированный», т.е. ставший неотъемлемой частью данного индивида «овеществленный» в нем культурный капитал к традиционному материализованному вовне его капиталу, дающему возможность присвоения «социальной энергии».

Продолжая начатый еще Г. Беккером поиск новых видов капитала, отражающих видоизменение последнего в современную эпоху, Бурдьё выделяет три основные формы капитала, лежащие в основании социальной стратификации, – экономический, культурный и социальный капиталы. Ему же принадлежит и идея о том, что «внутри каждого класса, определяемого по общему объему его капитала, выделяются подклассы, различия между которыми основаны на структуре активов, т.е. различных формах распределения совокупного капитала между отдельными его видами»⁷, структура распределения которых может быть симметричной или асимметричной.

Причем культурный капитал для Бурдьё – это не только определенное количество лет обучения или определенный набор общих и специфических знаний и навыков, отражающих в «снятом» виде затраченный на их приобретение труд. Собственно, это вообще труд, связанный не только с получением образования, – почему Бурдьё и заменяет понятие человеческого капитала Г. Беккера, прочно связанное с образованием, на культурный капитал. Культурный капитал Бурдьё – это и особенности поведения, включая особенности речи, и способность к обучению сама по себе, и многие другие особенности, вытекающие из условий социализации каждого конкретного индивида и отражающие его труд по освоению культурного наследия в процессе социализации, – своего рода этап первоначального

---

⁶ Бурдьё П. Формы капитала // Западная экономическая социология. Хрестоматия современной классики / Науч. ред. и сост. В.В. Радаев; пер. М.С. Добряковой и др. М.: РОССПЭН, 2004. С. 519.

⁷ Там же.

накопления этого вида капитала. Более того, это накопленный труд, который был затрачен не только им самим, но и в «снятом» виде включает в себя также труд других людей, затраченный на его обучение и социализацию, и прежде всего – в родительской семье.

Что же касается социального капитала, то Бурдье характеризует его как «совокупность реальных или потенциальных ресурсов, связанных с обладанием устойчивой сетью более или менее институционализированных отношений взаимного знакомства и признания»⁸. Причем, если культурный капитал включает в себя капитал людей, в кругу которых проходила социализация индивида, в «снятом» виде, то социальный капитал прямо зависит по своему объему и структуре от показателей капитала тех, кто входит в сеть связей данного индивида. «Объем социального капитала, коим располагает данный агент, зависит от размера сети связей, которые он может эффективно мобилизовать, и от объема капитала (экономического, культурного или символического), которым, в свою очередь, обладает каждый из тех, кто с ним связан»⁹.

Фактически же в работах Бурдье присутствуют упоминания о большем, чем три названные выше, количестве видов капитала, оказывающих влияние на стратификацию. В различной связи Бурдье добавляет к ним властный капитал («различные формы капитала (или власти, что в конечном счете одно и то же) превращаются друг в друга»¹⁰), символический капитал и габитус¹¹, который можно рассматривать фактически как особенности личности, влияющие на занятие ею определенных статусных позиций, или личностный капитал.

Таким образом, уже не традиционные виды капитала и даже не власть выступают у Бурдье основой стратификации, а различный объем сложного по структуре совокупного капитала индивида. Очень важной для понимания роли капитала в формировании социального неравенства мне представляется и сформулированная Бурдье применительно к ситуации с культурным капиталом идея о том, что *ценность ресурсов генерируется ситуацией дефицита*, что в «обществе, в котором доступ к средствам присвоения культурного наследия распределен достаточно равномерно, инкорпорированная культура не выступает в качестве культурного капитала и не дает дополнительных преимуществ», в то время как при наличии дефицита прибыль, которую приносит дефицитный культурный капитал своим владельцам, в конечном счете определяется именно его дефицитностью¹².

Эта идея получила более полное развитие в рамках другой, менее известной в России концепции – концепции Э. Соренсена, также внесшего заметный вклад в формирование ресурсного подхода в исследованиях стратификации. Надо сказать, что сравнительно небольшая работа Соренсена, опубликованная в 2000 г.¹³, вызвала довольно серьезную международную дискуссию, в которой приняли участие многие видные специалисты по проблемам социальной стратификации.

Соренсен отмечал, что существуют два главных понимания класса: класс «как условия жизни» и класс «как следствие эксплуатации», и пытался синтезировать оба подхода, для чего предложил рассматривать в качестве основы стратификации все приносящие доход активы, контролируемые конкретным индивидом. Эксплуатирующий класс для Соренсена –

---

⁸ Бурдье П. Формы капитала. С. 528.

⁹ Там же. С. 529.

¹⁰ Там же. С. 521.

¹¹ Там же.

¹² Там же. С. 524.

¹³ Sorensen A.B. Toward a Sounder Basis for Class Analysis // American Journal of Sociology. 2000. Vol. 105. No 6 (May). P. 1523–1558.

это совокупность структурных позиций, обеспечивающая права на активы, создающие ренту¹⁴. Поскольку привилегированные классы, в отличие от непривилегированных, имеют доступ к активам, способным генерировать ренты, то изменения в распределении собственности на такие активы, подчеркивает Соренсен, ведут к изменению классовой структуры. Таким образом, *экономической основой социальных неравенств для него выступает рента, получаемая в результате неравенства в объеме и характере располагаемых представителями различных статусных позиций активов.*

Ссылаясь на А. Маршалла¹⁵, Соренсен выделяет три основных вида рент: 1) *монопольные ренты*, основанные на монополизации активов, которые появляются на рынке труда в виде *рент занятости*, когда рабочие места закрыты для посторонних с помощью коллективных действий профсоюзов, а также лицензий или дипломов об образовании; 2) *композиционные ренты*, которые возникают в случае, когда соединение двух различных активов приносит большую отдачу, чем каждый из них в отдельности; 3) *ренты на природные способности или культурный капитал*, например, рост у баскетболиста, или гораздо более простой процесс обучения для тех, кто имеет значительный культурный капитал.

Возможность получения тех или иных рент зависит от особенностей активов индивидов, которые, с точки зрения Соренсена, состоят из:

- *активов, приобретаемых на рабочем месте*, непосредственно в процессе трудовых отношений, т.е. «специфического» человеческого капитала Г. Беккера – тех уникальных навыков, благодаря которым конкретный работник для определенной фирмы представляет особую ценность. В принципе, этот же эффект можно получить и за счет действий профсоюзов, хотя, как отмечает Соренсен, такого типа ренты в последние годы имеют тенденции к сокращению;
- *личных активов*, в основном приобретаемых за пределами рынка труда, в семье и школе и включающих: человеческий капитал, приобретенный благодаря инвестициям в обучение и здоровье; способности и умения; физический капитал (средства производства). Различия в объеме и характере личных активов очень важны для моделей социализации различных классов, поскольку обуславливают их долгосрочные индивидуальные стратегии.

Таким образом, *Соренсен, как и Бурдые, предлагает новое основание классовых неравенств – имеющие сложную структуру активы индивидов – и обращает особое внимание на роль дефицитности тех или иных активов (как объективную, так и в результате действий, направленных на их монополизацию).* Однако он подходит к этим проблемам с несколько иной стороны, формулируя идею о том, что *главное действие класса заключается в поиске рент и защите своих устойчивых рент или попытке их ликвидации у другого класса.*

Критика позиции Соренсена, пытавшегося предложить подход, объединяющий взгляды неомарксистов и неовеберянцев, естественно, прозвучала с обеих сторон. И если неовеберянцы в лице Дж. Голдторпа фактически просто отмахнулись от его идей, то неомарксисты в лице Э.О. Райта подошли к вопросу гораздо серьезнее. Не пытаясь дать развернутый пересказ критики концепции Соренсена, я все же приведу ключевое возражение, выдвинутое Райтом, который критиковал Соренсена за отождествление понятий «эксплуатации» и «экономической ренты». Райт обращает внимание не только на возможность получения рент без эксплуатации, но и на возможность «угнетения (притеснения) без эксплуатации» [nonexploitative oppression], при котором господствующий класс просто не нуждается в классе, который находится в состоянии притеснения, в то время

---

¹⁴ Sorensen A.B. Toward a Sounder Basis for Class Analysis. P. 1525.

¹⁵ Marshall A. Principles of Economics. 8th ed. L.: Macmillan, 1949.

как в случае эксплуатации эксплуататоры напрямую связаны с результатами труда эксплуатируемых.

Глубже понять суть идей о притеснении без эксплуатации и особенностях ресурсообеспеченности как основания принадлежности индивидов в современных условиях даже не к трем разным классам, а к трем самостоятельным мирам – «белому» миру мейнстрима, «серой зоне» высоких рисков и «черной дыре» глубокой эксклюзии, попадая в которую каждый может сказать «оставь надежду всяк сюда входящий», – помогают концепции М. Кастельса и У. Бека.

Продолжая линию поиска нового «системного основания» стратификации в обществе, которое приходит на смену индустриальному, У. Бек в качестве такого рода основания выделяет риск. Старая парадигма социального неравенства, основанная на месте в системе производства и распределения произведенного продукта, считает он, находится в центре внимания до тех пор, пока мыслями и поступками людей владеет «диктатура нищеты». Конечно, и до сих пор большинство человечества находится в этом состоянии. Однако уже начинают проглядывать контуры общества, приходящего на смену обществу, «распределяющему богатства», и это оказывается общество, «распределяющее риски». Начало этого перехода применительно к условиям Германии Бек датирует 1970-ми годами. «Это означает, – пишет Бек, – что с тех пор оба вида ...конфликтов напластовываются друг на друга. Мы еще не живем в обществе риска, но и больше не живем только в обществе распределения благ»¹⁶.

Таким образом, признавая классовую концепцию как наиболее адекватную заканчивающемуся периоду истории, на будущее Бек предлагает ей на смену концепцию, в которой индивиды постоянно перемещаются по социальному полю, причудливо группируясь в каждый момент строго определенным образом в различающиеся угрожаемыми рисками группы. При этом их возможности в этом непрерывном «броуновском движении» не одинаковы и зависят от различных типов ресурсов, которыми они располагают. Причем среди ресурсов, о которых упоминает Бек, – не только богатство и знания как два ключевых типа ресурсов, но и пол, возраст, здоровье, продолжительность занятости на данном предприятии, «умение держаться», связи, этническая принадлежность и т.д.

Как видим, во многом это именно те виды ресурсов, которые осмысливались Бурдье в категориях «инкорпорированных видов капитала», а Соренсеном – как «рентоприносящие активы». Таким образом, в различных терминологических и концептуальных контекстах все они обратили внимание на одно и то же явление – превращение многих характеристик индивида, не выступавших еще 50–70 лет назад в массовом масштабе как значимые виды ресурсов, в современном обществе в активы, прямо влияющие на экономическое положение, жизненные шансы и угрожающие индивиду риски.

В полной мере это относится и к концепции еще одного видного теоретика современного общества – Мануэля Кастельса, который полагает, что анализ социальной структуры в современном обществе должен производиться в контексте анализа возникновения нового «способа развития» – информационализма, зародившегося в конце 1960-х – начале 1970-х годов и приходящего на смену позднеиндустриальному обществу так же, как когда-то индустриализм сменил доиндустриальную эпоху. Уделяя, как и Бурдье, Соренсен и Бек, особое внимание знаниям как важнейшему виду ресурсов в этом новом мире, Кастельс идет дальше и в основу своей концепции социальной стратификации помещает отношение к производству знания и ресурсы, определяющие это отношение¹⁷.

¹⁶ Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. С. 23.

¹⁷ См.: Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ–ВШЭ, 2000.

Кастельс подчеркивает, что в новой экономике сохраняются и труд, и капитал, но и тот и другой качественно трансформируются. При этом труд продолжает существовать также и в виде характерного для предшествующих исторических эпох «родового» труда, связанного с решением конкретной задачи и потенциально заменимого машинами или другими представителями «родовой» рабочей силы. Однако основным источником производительности в новом обществе – инновации, знания и информация, поэтому непрерывное образование и самосовершенствование становятся ключевыми качествами работника. Новая, основанная на знании, информационная экономика требует и новой формы труда – труда, способного к «перепрограммированию» в соответствии с бесконечно меняющимися задачами производства. Соответственно возникают и два вида работников. Наряду с «родовой рабочей силой» возникают «новые производители» – создатели знания и обработчики информации, чей труд наиболее ценен, принадлежность к этим группам прямо детерминируется наличием определенного образования, культуры, личностных качеств и т.д. Они образуют новый класс общества, который Кастельс называет «коллективным работником».

Не меньше изменяются и капиталисты. Разумеется, и в новом обществе сохраняются два «унаследованных» от прошлого типа капиталистов – держатели прав собственности и топ-менеджеры, включая менеджеров государственных компаний. В этом плане сохранение родовой рабочей силы предполагает и адекватные ей виды капиталистов. Так, наряду с возникновением «коллективного работника», возникает и новый тип капиталистов – «коллективный капиталист», который в значительной степени совпадает, с точки зрения Кастельса, с «коллективным работником».

«Новая система, – подчеркивает М. Кастельс, – характеризуется *тенденцией возрастания социального неравенства и поляризации*, а именно одновременного роста верхушки и дна социальной шкалы. Этот процесс является результатом трех явлений: а) фундаментальной дифференциации между самопрограммируемым высокопроизводительным трудом и родовым заменимым трудом; 2) индивидуализации труда, которая подрывает его коллективную организацию, таким образом предоставляя слабейшие сегменты рабочей силы своей судьбе; 3) глобализации экономики и делегитимизации государства, постепенной гибели государства всеобщего благосостояния, лишаящей спасательного круга тех людей, которые не могут преуспеть самостоятельно»¹⁸.

Трагический смысл последствий воцарения этой новой системы стратификации заключается в том, что новому миру нужны прежде всего представители «самопрограммируемого» труда и в сравнительно небольшом количестве – «родовая рабочая сила», к которой относится подавляющее большинство человечества. Миллионы людей оказываются «социально исключенными». Это те самые «лишние» люди, о которых говорил Райт в своей критике Соренсена, когда проводил различие между эксплуатацией и притеснением без эксплуатации. В новом мире они не нужны даже как объект эксплуатации, им просто нет в нем места. Ни господствующие классы, ни общество в целом не нуждаются в классе, который подвержен эксклюзии, и не зависят от него – по крайней мере, в экономическом смысле.

В условиях роста вариативности жизненных судеб, их все возрастающей индивидуализации для отдельного человека нет жесткой заданности социальной эксклюзии – это всегда лишь больший или меньший риск. Однако в условиях действия тенденции социальной поляризации за счет размывания «нового среднего класса», разделяющегося на «коллективного» и «родового» работника, с одной стороны, и возрастания сегмента социально исключенных в связи с усложнением требований даже к рабочей силе, предполагающих особую эффективность социализации – с другой, шансы эти с каждым годом объективно уменьшаются для большинства членов общества.

---

¹⁸ Там же. С. 499.

Суммируя все вышесказанное, можно сказать, что *в последние два-три десятилетия сформировалось и активно развивалось новое научное направление*¹⁹, *прямо увязывающее наступление нового этапа в развитии общества и изменение основания социальной стратификации. При этом в качестве основания стратификации представители этого направления выделяли объем и структуру ресурсов (капиталов, активов), которыми располагают индивиды и которые несводимы не только к традиционному экономическому капиталу, но и к сумме экономического, человеческого и властного капиталов. Особое внимание представители этого направления обращали также на то, что огромное значение в новых условиях приобрели новые виды ресурсов – вытекающие из характера социализации особенности поведения, общий уровень культуры и т.п., рассматривавшиеся ранее только как следствие экономического статуса, а также физиологический (здоровье, возраст, пол), символический, личностный и т.д. ресурсы.*

Несколько особняком в разработке ресурсного подхода к стратификации стоит концепция стратификации Д. Граски, который распространил критерий владения различными видами ресурсов как основания стратификации *на всю историю человечества* и проанализировал изменение сравнительной значимости разных видов ресурсов в различные исторические эпохи²⁰. Основываясь на разделении обществ на традиционные общества и общества современного типа, он предложил классификацию типов стратификационных систем, насчитывающую 8 вариантов, различающихся по типу активов (ресурсов), лежащих в их основе, и описал их, используя такие критерии, как степень кристаллизации статусов, глубина социальных неравенств, устойчивость стратификационных систем и т.д.

Граски обратил внимание также на тот факт, что ресурсный подход в исследованиях стратификации как бы незаметно «прорастает» из привычного теоретического материала, если посмотреть на него под соответствующим углом зрения (см. табл. 1).

Как видим, фактически на всю историю стратификационных исследований можно посмотреть через призму ресурсного подхода. Впрочем, это будет таким же шараханьем из крайности в крайность, как и отрицание того, что ресурсный подход в исследованиях стратификации, хотя и был в явной форме сформулирован сравнительно недавно, имеет все же давнюю историю на уровне предпосылок его формирования.

Отдельного рассмотрения заслуживает вопрос о том, как приживается эта новая исследовательская парадигма на российской почве. Сразу надо сказать, что в целом данный теоретический подход в российской социологии в целом пока замечен мало, хотя ряд ведущих специалистов в области социальной стратификации уже активно его используют. Так, Т.И. Заславской был проведен теоретический анализ социальной структуры современного российского общества, где в качестве основного критерия социальной дифференциации общества сформулирован именно принцип учета совокупного капитала, которым располагают индивиды и группы. При этом в составе совокупного капитала Т.И. Заславская выделяла: «а) *политический (административный, бюрократический) капитал*, выражающийся в объеме и значимости властных и управленческих полномочий, уровне принимаемых решений; б) *экономический капитал*, измеряемый масштабами собственности, владения и распоряжения материальными ресурсами, контроля над финансовыми потоками, уровнем личных доходов и семейного благосостояния; в) *социальный капитал*, измеряемый шириной, прочностью и престижностью социальных

---

¹⁹ Которое, на мой взгляд, можно рассматривать как весьма своеобразную разновидность неомарксизма.

²⁰ Grusky D.B. The Past, Present, and Future of Social Inequality // Social Stratification. Class, Race, and Gender in Sociological Perspective / Ed. by D.B. Grusky. Boulder, Colo.: Westview Press, 2001. P. 3–39.

связей субъектов, уровнем их включенности в общественные структуры, социальные и информационные сети, богатством и насыщенностью образа жизни; г) *культурный капитал*, отражающий качество воспитания, уровень образования, профессионализма, эрудиции, ценность жизненного опыта субъектов»²¹.

Таблица 1. Характеристика активов, лежащих в основе различных систем стратификации²²

Группа активов	Примеры	Ученые, работавшие с описанием соответствующих систем стратификации
Экономические	Собственность на землю, фабрики, заводы, профессиональные навыки, ликвидные активы, людей (рабов), рабочую силу (например, крепостных)	К. Маркс [Karl Marx]; Э.О. Райт [Erik Wright]; М. Вебер [Max Weber]
Политические	Власть внутри домохозяйства (например, глава семьи); власть на рабочем месте (например, менеджер); партийная или социальная власть (например, законодатель); харизматический лидер	Р. Дарендорф [Ralf Dahrendorf]
Культурные	Высокостатусные потребительские практики, «хорошие манеры», привилегированный образ жизни	П. Бурдьё [Pierre Bourdieu]; П. Димаджио [Paul DiMaggio]
Социальные	Доступ к высокостатусным социальным связям, общественные связи, членство в ассоциациях, клубах и союзах	Л. Уорнер [Lloyd Warner]; Дж. Коулман [James Coleman]
Престижные	Престиж, хорошая репутация, известность, чиновничество и пренебрежительное отношение, этническая и религиозная чистота	Э. Шилз [Edward Shils]; Д. Трейман [Donald Treiman]
Гражданские	Собственные права, контракты, право голоса, членство в выборных ассамблеях, свобода слова и объединения	Г. Маршалл [Gordon Marshall]; Р. Брубейкер [Rogers Brubaker]; К. Стром [Kaare Strøm]
Человеческие	Способности, опыт, обучение по месту работы (квалификационные навыки), стаж работы, уровень образования, знания	К. Сваластога [Kaare Svalastoga]; Г. Беккер [Garry Becker]

Несколько иной подход характеризует работы другого крупнейшего российского специалиста по проблемам социальной стратификации – О.И. Шкаратана. Еще во второй половине 1990-х годов им была начата разработка концепции ресурсно-потенциального подхода, создающая теоретико-методологическую основу для разделения ресурсного потенциала и капитала. О.И. Шкаратан предложил свой список ресурсов, которые необходимо учитывать при применении ресурсно-потенциального подхода, им впервые²³

²¹ Т.И.Заславская. Современное российское общество: социальный механизм трансформации. М.: Дело, 2004. С. 150. При этом сама Т.И. Заславская отмечала, что этот список составлен ею на основе анализа классических и современных стратификационных теорий (К. Дэвиса, У. Мура, Т. Парсонса, И. Селени, Д. Треймана и др.).

²² Grusky D.B. The Past, Present, and Future of Social Inequality. P. 9.

²³ Справедливости ради надо заметить, что эмпирические исследования в этой области практически одновременно начали проводить в России три специалиста: О.И. Шкаратан,

предпринята попытка эмпирически замерить наличие трех видов ресурсов применительно к работающему населению России, а также определены наиболее адекватные этой задаче методы (построение интегральных индексов и кластерный анализ)²⁴. На основе анализа эмпирических данных О.И. Шкаратаном был сделан также ряд важных выводов, в первую очередь о том, что в разные исторические периоды и в зависимости от ситуации в месте проживания даже в условиях одного типа общества бывают востребованы разные компоненты ресурсного потенциала индивидов²⁵.

Особое место в области развития методологии исследований стратификации в рамках ресурсного подхода занимают работы В.В. Радаева, который глубже всего проработал в теоретическом плане вопрос о различных видах капитала как основы стратификации²⁶. В целом, любая стратификационная система образуется, с точки зрения В.В. Радаева, «особым типом социального расслоения и способом его воспроизводства на основе различий в накопленном капитале определенного вида»²⁷. При этом в числе основных типов капитала, определяющего социальное неравенство, он выделил: 1) *экономический*; 2) *физиологический*, включающий здоровье, трудоспособность, наличие определенных физических качеств; 3) *культурный*, воплощенный в практическом знании и навыках социализации и проявляющийся в стилях жизни, нормах поведения, потребительских вкусах и т.д.; 4) *человеческий*, обусловленный разницей полученного образования и имеющейся квалификации; 5) *социальный*, обусловленный количеством и характером социальных связей, которые могут быть мобилизованы индивидом; 6) *административный*, дифференцирующий по положению в организационных иерархиях в рамках корпоративной организационной системы; 7) *политический*, создающий дифференцированные возможности в борьбе за ресурсы; 8) *символический*, возникающий из-за различий в доступе к социально значимой информации²⁸.

Детальный анализ этих типов капитала позволил В.В. Радаеву сформулировать вывод о том, что во всех известных обществах в основе места, занимаемого индивидами в стратификационной системе, лежат различия в накопленном капитале. Кроме того, он подчеркивал, что различные виды капитала только тогда могут рассматриваться в качестве таковых, когда они способны конвертироваться один в другой и в экономический капитал и

Е.М. Аврамова [см., например: *Аврамова Е.М., Логинов Д.М.* Социально-экономическая адаптация: ресурсы и возможности // *Общественные науки и современность.* 2002. № 5. С. 24–34. <http://ecsocman.edu.ru/ons>] и автор этих строк [см., например: *Тихонова Н.Е.* Социальный капитал как фактор неравенства // *Общественные науки и современность.* 2004. № 4. С. 24–35; *Тихонова Н.Е.* «Новые капиталисты»: кто они? // *Общественные науки и современность.* 2005. № 2. С. 29–39. <http://ecsocman.edu.ru/ons>]. Однако приоритет в разработке этого подхода для целей эмпирических исследований принадлежит все-таки О.И. Шкаратану.

²⁴ См.: *Шкаратан О.И., Бондаренко В.А., Крельберг Ю.М., Сергеев Н.В.* Социальное расслоение и его воспроизводство в современной России. М.: ГУ–ВШЭ, 2003.

²⁵ Там же. С. 63.

²⁶ *Радаев В.В.* Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация // *Общественные науки и современность.* 2003. № 2. С. 5–16. <http://ecsocman.edu.ru/ons>; или: *Экономическая социология.* 2002. Т. 3. № 4. С. 20–32; *Радаев В.В.* *Экономическая социология.* М.: ГУ–ВШЭ, 2005. Гл. 20, 21.

²⁷ *Радаев В.В.* *Экономическая социология.* С. 397.

²⁸ Там же. С. 398–400.

обеспечивают самовозрастание совокупного капитала²⁹. Именно этот вывод дал эффективный инструмент измерения и «сведения к единому знаменателю» в ходе эмпирических исследований на первый взгляд абсолютно несопоставимых между собой видов ресурсов.

Как видим, *российскими социологами уже немало сделано для разработки ресурсного подхода как новой теоретической парадигмы стратификационных исследований, и ресурсный подход в исследованиях стратификации имеет весьма серьезные основания для того, чтобы стать в будущем в российской социологии новой (хотя, разумеется, не единственной) теоретической парадигмой в стратификационных исследованиях.*

Нахождение в ресурсах некоего единого основания социальной стратификации выглядит не только логически вытекающим из предшествующего развития научной мысли, причем как социологической, так и экономической, но и чрезвычайно заманчиво в теоретико-методологическом плане. Логично вытекает из этого подхода решение ряда наиболее сложных методологических проблем исследований стратификации, например, выбора предмета анализа – совокупности людей или совокупности позиций, «ячеек» социального поля. В контексте ресурсного подхода процесс общественного производства и воспроизводства задает некую сетку социальных позиций, каждая позиция в которой для ее заполнения предполагает наличие не просто определенного объема совокупного ресурса, но активы определенной структуры. Затем эти позиции заполняются в зависимости от реального наличия в обществе соответствующих требованиям этих позиций людей, причем при нехватке людей с соответствующими характеристиками располагаемых ресурсов обладатели последних получают также «ренту за дефицитность» их активов. Преодоление дефицитности и соответственно исчезновение этой ренты, обуславливает динамику изменения положения отдельных социальных групп и позволяет прогнозировать развитие социальной структуры общества в целом.

Чрезвычайно плодотворным оказывается данный подход и с точки зрения решения вопроса о том, вертикальная или горизонтальная стратификация является предметом исследования. При ресурсном подходе речь всегда идет о вертикальной стратификации общества, но сама по себе структура активов (или требований к ним со стороны позиции на социальном поле) уже предполагает обязательный учет горизонтальной стратификации, структуры совокупного ресурса индивидов даже при тождестве у них его общего объема.

Наконец, учитывая инкорпорированный, т.е. неотделимый от конкретного индивида, характер многих видов ресурсов (человеческого, личностного, культурного, символического, физиологического, отчасти социального), логично выглядит и связывавшийся обычно только с изменением моделей семьи происходящий в последнее время переход в исследованиях социальной стратификации от анализа статуса домохозяйств к анализу статуса индивидов.

Таким образом, *переход к концепции ресурсов как основания социальной стратификации не только подготовлен всем предшествующим развитием стратификационных исследований в мире, но и сулит существенный методологический прорыв по отношению к тем противоречиям и сложностям, в которых буквально «застрали» сегодняшние исследования стратификации.*

В то же время эффективное использование этого подхода в эмпирических исследованиях предполагает его очень серьезное дальнейшее теоретическое развитие, поскольку применение его на практике требует ответов на ряд теоретических вопросов. **Первый** из этих вопросов: что же все-таки является основой социального статуса индивида в рамках этого подхода – ресурсы, активы или капиталы?

---

²⁹ Радаев В.В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация.

Дело в том, что не всякий ресурс в условиях рыночной экономики может выступать как актив, и в этом отношении сам по себе ресурс – всегда не более чем ресурсный потенциал. Для превращения ресурса в актив необходимо соблюдение по крайней мере двух условий: 1) востребованность данного ресурса на соответствующем рынке (что переводит его из статуса ресурсного потенциала в реальный ресурс) и 2) определенный («товарный») объем данного ресурса, при котором обладание им начинает давать экономический эффект. Таким образом, *как актив ресурс может рассматриваться тогда, когда он используется в процессе обмена, связанного с хозяйственной деятельностью, и оказывает сколько-нибудь осязаемое положительное воздействие на положение его владельца в социуме.*

Точно так же не всякий актив может выступить в роли капитала. Не претендуя на то, чтобы дать определение последнего, я перечислю лишь некоторые его особенности, позволяющие операционализировать критерии наличия капитала применительно к социологическому исследованию. Как отмечает В.В. Радаев, капитал обладает пятью конституирующими свойствами: 1) это ограниченный хозяйственный ресурс; 2) накапливаемый хозяйственный ресурс; 3) ресурс, обладающий определенной ликвидностью, способностью превращаться в денежную форму; 4) стоимость, воспроизводящаяся в процессе непрерывного кругооборота форм; 5) стоимость, приносящая новую, добавочную стоимость. Соответственно *уже выступающий в роли актива ресурс мы можем рассматривать как капитал, когда он не только способен накапливаться, конвертироваться в денежную форму и воспроизводиться, но и приносить новую, добавочную стоимость, превышающую объемы, необходимые для простого воспроизводства соответствующего ресурса.*

Практическим выводом из этого выступает то, что в ходе эмпирических исследований стратификации необходимо не только замерять ресурсообеспеченность индивидов (фактически представляющую собой не более чем их ресурсный потенциал), но и взаимосвязь экономического и всех остальных видов ресурсов, а также уровня благосостояния и уровня обеспеченности различными видами ресурсов, чтобы определить как минимум наличие: 1) использования имеющихся ресурсов как реальных активов, 2) взаимной конвертируемости экономического и других видов ресурсов, 3) приобретения активами статуса капитала, т.е. обнаружение приносимой ими «прибавочной стоимости» (что для социологических исследований является, пожалуй, самой сложной в методологическом плане задачей).

Второй вопрос связан с тем, что представляют собой доходы, получаемые на тот или иной ресурс, который приобрел статус актива или капитала. Здесь мы неизбежно должны вспомнить ученого, с именем которого связана всесторонняя разработка самого понятия «капитал», – К. Маркса. Капитал для Маркса – это прежде всего общественное отношение, специфичное для определенного этапа развития общества – этапа капиталистического производства, на котором впервые в истории в массовом масштабе свободный человек начинает продать на рынке свою рабочую силу по цене, устанавливаемой рынком. Рабочий при этом как бы на время «сдает в аренду» свою способность к труду, являющуюся объектом его собственности («труд образует *капитал*³⁰ рабочего», пишет Маркс³¹).

---

³⁰ Применительно к нашей классификации в данном случае точнее было бы говорить об активе, но для Маркса капитал рабочего – это еще и часть совокупного капитала общества, и поэтому употребление им этого термина совершенно закономерно. Чтобы не усложнять текст статьи необходимыми оговорками, я далее буду использовать понятия «капитал» и «ресурс» как синонимы, учитывая, что разница между ними уже охарактеризована выше.

³¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. 1. С. 244.

Таким образом, доход, который он получает, представляет собой, вопреки расхожим представлениям, не плату за труд как таковой, а доход от принадлежащей ему, пусть и весьма специфической, собственности. При этом, пока речь идет о простейших орудиях и средствах труда, в работе с которыми используется лишь природная способность человека к труду как таковая, все достаточно просто и в теоретическом плане. Исторически предложения рабочей силы такого типа на рынке труда, как правило, всегда был избыток. Соответственно и цена на этот фактор производства на рынке могла быть близка к издержкам его производства, т.е. необходимому для физиологического выживания и воспроизводства человека минимуму. Исключения из этого правила встречались в двух случаях – во-первых, в результате воздействия различного рода внешних факторов (от забастовок до государственной идеологии), а во-вторых, в случае дефицита предложения на рынке соответствующей рабочей силы, когда возникала так называемая «рента за дефицит».

Совсем иной характер, однако, приобретает вопрос о том, что же отдает в процессе товарообмена работник, когда на рынок в массовом масштабе выходит не простой, а так называемый сложный, или квалифицированный, труд. И здесь приходится вспомнить о том, что если с точки зрения его вещественного содержания³² капитал – это совокупность различных *факторов производства*, одним из которых выступает способность работника к труду, то с точки зрения его социальной формы капитал – это накопленное *время*. «Стоимость того товара, который отчуждает рабочий... [т.е. его способности к труду. – Н.Т.] определяется тем овеществленным трудом, который содержится в его товаре», – писал Маркс и подчеркивал, что «кроме рабочего времени, овеществленного в жизнедеятельности рабочего, ... в его непосредственном бытии овеществлен еще и дальнейший труд, а именно те стоимости, которые рабочий потребил, чтобы достичь определенной способности к труду, особого мастерства, – а стоимость этой способности, этого особого мастерства измеряется тем, с какими издержками производства может быть создано подобное мастерство в труде»³³.

Развивая этот подход, можно утверждать, что на современном этапе развития общества, когда особую роль в производстве играют знания и технологии, ограничиваться тезисом о том, что в момент заключения трудового договора работник продает лишь свою рабочую силу как простую способность к труду, явно недостаточно. Работник, безусловно, начинает продавать (точно так же «сдавая его в аренду» на определенный срок, как и свою способность к простому труду) и овеществленное в его знаниях и навыках затраченное на их получение время (причем как свое, так и своих учителей), т.е., пользуясь современной терминологией, свой человеческий и культурный капитал.

«Инкорпорирование» всех этих видов капитала в конкретных людях не изменяет того факта, что *в момент заключения трудового договора каждый из них «сдается в аренду» для использования в процессе производства, а то, что принято называть заработной платой работников, представляет собой, по сути, доход на принадлежащие ему разные виды капитала*. При этом все эти виды капитала являются, в свою очередь, материализацией прошлого, овеществленного в них труда, и в этом отношении они по сути своей ничем не отличаются от капитала, существующего в других его видах – финансовом, промышленном и т.д. Учитывая сложившуюся в рамках ресурсного подхода к стратификационным исследованиям традицию использования этого термина, я также буду все виды дохода, получаемого за передачу какого-либо вида собственности для ее использования в процессе производства, называть рентой на капитал. Соответственно собственники дефицитных

---

³² О разделении социальной формы и вещественного содержания экономических процессов как одной из наиболее характерных особенностей методологии К. Маркса см.: Багатурия Г.А., Выгодский В.С. Экономическое наследие Карла Маркса. М.: Мысль, 1976.

³³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. 1. С. 279.

факторов производства будут получать больший доход, состоящий из ренты на капитал и ренты за дефицитность соответствующего фактора производства.

Для стратификационных исследований это означает, что все основные виды дохода (мы не говорим здесь о доходах типа благотворительной помощи или социальных трансфертов), которые получает человек, являются однотипными по своей сути – это ренты на разные виды ресурсов, находящихся в его распоряжении, которые ему удалось превратить в активы и обменять на рынке на другие виды ресурсов (как правило, финансовые, но далеко не всегда – это может быть, например, и социальный ресурс).

В итоге, если обмен был эквивалентным, то должно обеспечиваться как минимум простое воспроизводство совокупных ресурсов индивида, а если присутствовала рента за дефицит – то и возрастание совокупного ресурса. При таком подходе, впрочем, исчезает понятие эксплуатации как сущностной характеристики капиталистического общества. Но, на мой взгляд, эксплуатация в условиях капиталистического производства если и существует, то связана не с проблемой производства, а с контролем за процессами распределения и перераспределения произведенного продукта. И ключевым для определения факта ее наличия будет являться анализ того, что при его распределении и перераспределении диктуется издержками производства, что – соотношением спроса и предложения, что – монопольным положением на соответствующем рынке и т.д.

Однако есть и **третий** вопрос, требующий ответа, прежде чем ресурсный подход можно будет корректно использовать для эмпирических исследований. Он связан с тем, что если доходы индивида – это, как правило, рента, которую он получает, передавая на возмездной основе принадлежащую ему собственность для ее использования в процессе производства, то что может рассматриваться в качестве последнего, и насколько широко распространены, соответственно, случаи, когда исследователь проблематики стратификации должен учитывать наличие нерентных видов доходов?

Не будучи экономистом, я, конечно, не буду разбирать эти вопросы детально, ограничившись тем, что зафиксирую выводы, которые, на мой взгляд, вытекают из работ очень разных авторов – от уже упоминавшихся выше специалистов в области стратификации до работ «Римского клуба».

Итак, если учесть весьма далекие от традиционной экономической теории научные разработки последних десятилетий, то процессом производства сегодня выступает почти вся деятельность общества. Сюда входит не только значительная часть отраслей социальной сферы (здравоохранение, образование, культура, рекреация), связанная с воспроизводством рабочей силы или человеческого и культурного капитала как важнейших компонентов производства, но и деятельность по поддержанию экологического равновесия или деятельность в рамках домашнего хозяйства (что прямо вытекает из смены типа воспроизводства населения и появления сознательного материнства). Конечно, это не означает, что все, что происходит в обществе, относится к общественному производству. Так, даже если отвлечься от традиционных примеров с преступностью, курением и т.п., то остается еще содержание пожилых людей и инвалидов (в части, не обеспеченной страховыми выплатами), гуманитарная помощь и т.д. Однако это уже очень незначительный, по сравнению с традиционными подходами, сегмент общественной жизни.

Таким образом, можно констатировать, что *подавляющая часть доходов основной массы населения – от самых бедных до самых богатых – выступает по своему характеру рентой на активы, которыми они располагают, и что эта рента является сложной по своей структуре и составу.*

Главным классовым противоречием при таком подходе начинает выступать уже не противоречие между «капиталистами» и «рабочими», так как собственником наиболее значимых в информационном обществе видов активов является уже не капиталист

марксовой эпохи (так же как и живой труд в его самой значимой для производства форме – это не труд фабричного рабочего, вытесняемый на периферию общественного производства). Главным оказывается противоречие между собственниками ресурсов в самых разных их формах, на которые предъявляется спрос современным производством (от человеческого капитала до финансового, включая бренды, ноу-хау, технологии и многое другое плюс к традиционным формам капитала) и теми, чьей собственностью является лишь способность к простому физическому труду, которая в современной экономике в таком масштабе просто не нужна и, следовательно, не может рассматриваться для многих из них как актив.

Все вышесказанное позволяет сделать по крайней мере два важных для дальнейшей разработки концепции стратификации выводы.

1. Место человека в современном обществе принципиально меняется в зависимости от того, к какому из трех классов в соответствии со структурой и объемом своих активов он принадлежит – классу собственников дефицитных ресурсов, классу собственников недефицитных ресурсов или к классу «лишних» (социально исключенных) индивидов. Особенности принадлежащих ему ресурсов определяют и специфику его места внутри соответствующих классов.

2. Социальная структура такого типа является классовой, поскольку отвечает всем требованиям, необходимым для ее отнесения к классовому типу стратификационных систем.

В заключение хотелось бы пожелать новому концептуальному подходу в исследованиях стратификации большого будущего и выразить надежду, что его практическое применение принесет стратификационным исследованиям много интересных и неожиданных результатов.